



**ПОДВОЙСКИЙ
ДЕНИС ГЛЕБОВИЧ**

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент кафедры
социологии РУДН, зам. главного редактора журнала «Мониторинг
общественного мнения: экономические и социальные перемены»

И СНОВА О ФОРМУЛЕ ДОВЕРИЯ: НЕМНОГО ШКОЛЬНОЙ ТЕОРИИ

o Наука об обществе в поисках «природного рецепта социального клея»

Профессор социологии Санкт-Петербургского университета В. И. Ильин в фильме об индустрии массовых опросов «[Формула доверия](#)»¹, вышедшем в конце 2020 года, сравнил общественное доверие с цементом. Такая аллегория кажется очень удачной, но мы уверены, что это — более чем случайная метафора. Для социологии как дисциплины за простым словом «доверие» скрывается пласт идей, фундаментальных и в некотором роде аксиоматических. Попробуем раскрыть скобки, не погружаясь одновременно в омуты избыточного наукообразия и специальной терминологии.

Цемент — материал искусственный, но на свете существует много всего такого, что притягивается одно к другому само собой (так сказать, «естественным образом»). Люди, например. Сегодня для не слишком интересующихся историей развития научных идей может показаться удивительным или даже смешным, но социология в момент своего «формального» возникновения понималась теми, кто ее создавал, не иначе как раздел физики. Из этой затеи, конечно, мало что получилось, но факт остается фактом: творцы позитивной философии как особого рода методологии верили, что способ рассуждения о мире, демонстрируемый науками о природе, и в частности ньютоновской механикой, является универ-

¹ См. фильм на YouTube-канале ВЦИОМ. URL: <https://youtu.be/Oh-uafpIMn8>.

сальным в своей применимости. В основе же физической картины мира Нового времени лежит, как известно, закон всемирного тяготения. И понимать этот закон надо предельно широко. Притягиваются друг к другу не только механические тела, но также сердца и души. Как химия предстает физикой вещества, биология — физикой жизни, так и социология призвана стать физикой одушевленных и мыслящих социальных тел, подчиняющихся наряду с иными телами единому для Вселенной, хотя и проявляющему себя по-разному в разных сферах, закону гравитации.

По замыслу ранних позитивистов социология как наука о порядке и прогрессе человеческих обществ должна была интересоваться в первую очередь принципами и условиями достижения *consensus omnium* — согласия и согласованности, солидарности, сплоченности, интеграции, связанности, спаянности, внутренней гармонии социального вещества и т. п. Точнее, этот раздел должен был носить гордое имя социальной статики, в рамках которой убеждение, что социальные тела притягиваются друг к другу, должно было восприниматься как своего рода аксиома. Впоследствии О. Конт водрузил на неокрепшую спину социологии тяжкую поклажу — позитивную политику и позитивистскую этику, таким образом вопрос о механизмах воспроизводства и поддержания социального порядка превратился из чисто теоретического в практический.

До сих пор для многих сама тема социального порядка имеет традиционалистски-консервативно-нравоучительный привкус. Отчасти она таковой и является, но не полностью. Если понимать солидарность, единение и интеграцию как моральные максимы, то законы социальной физики начинают звучать в тональности проповеди, — с активным использованием модальных глаголов, в особенности — глаголов долженствования. Собственно, подобными мотивами долженствования изобилует доктрина позднего Конта, да и не только его одного. Защитников ценностей порядка в истории общественной мысли всегда хватало.

С другой стороны, ничто не мешает нам отделять зерна от плевел и рассуждать о проблеме порядка в специфически научном, а не этическом ключе. То есть для социолога в этой проблеме важно не то, что порядок почему-то *должен существовать*, но скорее то, что он в том или ином виде, в большей или меньшей степени *действительно существует* и может быть наблюдаем в эмпирической реальности наличного опыта социального взаимодействия людей.

Конечно, весь этот социальный механицизм, или физицизм, как бы его ни называть, безнадежно устарел еще в XIX веке. Но сама проблема социального порядка никуда не делась и по-прежнему не дает покоя теоретикам. С момента обнародования обсуждавшихся выше идей прошло почти двести лет. За это время социологии, к сожалению или к счастью, настоящей физикой стать так

и не удалось (даже если поначалу очень хотелось). Между тем тайная формула социального притяжения по-прежнему не раскрыта. Вернее, кое-какие подходы намечены, но консенсуса по ним нет. Иначе говоря, в вопросе о природе общественного согласия среди социологов согласия не обнаруживается (как, впрочем, и во многих других вопросах). «Вот такая <...> вечная [научная] молодость»!

* * *

Итак, что нам дано? Некое социальное тяготение между индивидуальными и коллективными «актерами», своеобразный социальный магнетизм.

Что цементирует, что скрепляет общественные агрегаты? Может быть, стартовая метафора цемента — та, с которой мы начали, — даже избыточно сильна. Общество редко, вернее — почти никогда, не бывает похоже на суперпрочную, «железобетонную» конструкцию, даже если кто-то из политиков, брызжущих пафосом идеологов или иных защитников status quo пытается его таковым представить.

Еще меньше напоминают железобетонные материалы структуры обществ XXI века. Все мы сегодня в большей или меньшей степени являемся свидетелями процессов постепенного разжижения социального вещества. Зигмунт Бауман еще пару десятков лет назад [объяснил](#), что такое текучая современность². Но и в текущем состоянии (которое, в сущности, есть, скорее, тенденция, чем свершившийся факт) общество все же сохраняет некоторую «целостность». Ведь и у молекул жидкости есть мера внутренней связанности и определенная степень несвободы. И даже «социально газообразные» вещества, если двигаться вслед за физической метафорой агрегатных состояний (пусть каждый найдет примеры по вкусу), не ведут себя совершенно хаотически. Жидкости и газы тоже давят, ограничивают и направляют — реки уносят, волны смывают, гидравлические прессы прессуют, насосы накачивают атмосферы, теплый воздух поднимается, туман опускается, и т. п. А дюркгеймовского определения социального факта (того, что объективен и оказывает принудительное воздействие) никто еще не отменял. И эта дефиниция работает для всех типов обществ — не только «чугунных» (хотя и чугун крошится), но и для «кисельно-желеобразных», и даже «воздушно-флюидных».

Центральная проблема социальной статики обычно формулируется в виде вопроса: как возможен социальный порядок? почему «муравейник» не разваливается? почему общество не распадается на мельчайшие части на атомарно-

²Подробнее см.: Бауман З. Текучая модерность: взгляд из 2011 года // Polit.ru. 06.05.2011. URL: <https://polit.ru/article/2011/05/06/bauman>; Подвойский Д. Г. Куда течет «текучая современность»? // Polit.ru. 02.06.2011. URL: https://polit.ru/article/2011/06/02/podvoysky_bauman.

молекулярном уровне? почему постоянно рискующая порваться социальная ткань, полотно социальной материи все-таки ежедневно сшивается и перешивается, скраивается и перекраивается, штопается и латается тысячами различных способов в миллионах конкретных ситуаций?

Нет необходимости усматривать за спиной этого вопроса явный или неявный призыв: давайте жить дружно! Теоретизирование о социальном порядке не обязательно предполагает безоговорочное принятие тезиса, что порядок — это всегда хорошо. Смотря какой, в сравнении с чем, какой ценой и с помощью каких средств устанавливаемый и поддерживаемый! (И это, в общем-то, уже совсем другая тема.) Социологу же для начала разговора обычно бывает ясно только одно: *какая-то степень «согласия и постоянства»*, по-видимому, неизбежно характеризует любые устойчивые и воспроизводящиеся отношения между людьми.

Итак, откуда же берется социальное тяготение? Или, проще говоря, почему люди *(со)существуют* вместе? Ответы даются разные, и ни один не выглядит исчерпывающим.

Просто потому, что человек — социальное существо? (так учил Аристотель). Но это слишком легкий и абстрактный ответ, к тому же он толком ничего не объясняет. Тем более что многие так не считали, особенно в XVII—XVIII веках (те же Гоббс и Руссо) — именно в эпоху доминирования всевозможных механицистских и физикалистских аналогий в нарождающемся научном обществоведении.

Интересно ведь, как именно происходит сцепление «молекул» внутри социального вещества? И благодаря чему? Что входит в рецепт «общественного клея»?

Возможен такой ответ: людей объединяют схожие *ценности*, или, говоря шире (по-дюркгеймовски), *коллективные представления* — общие язык, верования, символы, сакральные объекты, картина мира, традиции и т. п. Откуда они берутся? — Из социализации, транслируемого во времени культурного опыта поколений. Допустим!

Смежный ответ: общественное единение, хотя бы частично, обеспечивается «из-под палки», под угрозой принуждения и негативных санкций. Общественное давление бывает разным, и его открытые и насильственные формы обычно выполняют функцию дополнительного инструмента по ограничению актуальных и потенциальных девиаций.

Последние два варианта ответа не противоречат друг другу: послушных и сговорчивых судьба (общество) ведет под ручку, упрямых тащит и подгоняет дубинкой. И то, и другое называется словом «социальный контроль». В обоих случаях обеспечивается соблюдение социальных норм, достигается необходимый и достаточный уровень лояльности и конформности индивидов (на уровне их мышления и поведения) в отношении социальных институтов.

Другой заход (не по сути, но терминологически): социальное вещество склеивается, потому что существует *солидарность*. Индивиды объединяются в группы и коллективы из-за сходств («механически») и различий («органически»). При этом сближают, конечно, не всякие различия, но такие, которые порождают комплементарные социальные связи, то есть отношения взаимодополнительности (разделение труда, профессиональную и иную специализацию). Поскольку разность может как сближать людей, так и отдалять, создавать как симфонический, так и какофонический эффект.

Еще ответ на вопрос «почему люди вместе?» можно стилизовать в духе теорий обмена и рационального выбора с их универсальным экономцентризмом: потому что *выгодно*, потому что акторы явно или неявно производят калькуляцию издержек и прибыли, которые несут им те или иные социальные трансакции.

Еще один небессмысленный ответ: потому что просто *привыкли*, а привычки, образующие нашу «вторую натуру», очень полезны и помогают нам не потерять ориентацию в окружающем мире. В таком случае упорядоченность социальной жизни объясняется *рутинным* характером основной массы социальных взаимодействий, как на институциональном уровне, так и на межличностном.

Все перечисленные ответы не являются полностью альтернативными (взаимоисключающими), но могут, иногда довольно хитро, сочетаться внутри конкретных систем теоретических построений. Причем сама проблема социального порядка имеет множество разных пластов. Например, когда мы пытаемся выявить предпосылки, в том числе микросоциологические, обеспечивающие склейку-стыковку индивидов в рамках конкретной социальной связи, а также описать механизмы и процедуры воспроизводства и поддержания устойчивых социальных отношений в нашем «жизненном мире», то есть в мире повседневности, разделяемой нами с другими людьми, близкими и далекими.

И вот здесь наконец-то, после несколько затянувшейся (но, кажется, не совсем бесполезной) преамбулы, можно обратиться непосредственно к феномену и концепту *доверия*, способному кое-что объяснить в запутанной структуре той теоретической повестки, которая сформировалась в контексте многолетнего обсуждения проблемы социального порядка.

Сколь не прочны двери у страны доверья?

или ...

Не волнуйтесь, тётя, — дядя на работе...

Доверие, доверчивость, доверительность... — это что-то личностное, черта характера, особенность межчеловеческих контактов, проникнутых чувствами, что-то из области психологии? Возможно. Отчасти. Но не только! Социолога же в до-

верии интересует скорее сам статус данного явления как своего рода «априори» социальной жизни, а также концептуальная реконструкция процессуальной логики функционирования доверия в обществе.

В мире обыденного социального опыта прожить без доверия еще труднее, чем прожить без любви... Причем гораздо труднее, или даже почти невозможно. Доверие в некотором роде не столько вытекает из нашего опыта общения с другими людьми, сколько предшествует ему, делая сам этот опыт возможным. Звучит вполне по-кантиански, не правда ли?..

Характеризуя простейшую модель социальной интеграции (на микроуровне), Толкотт Парсонс указывает на принцип преодоления «двойной контингентности» в ситуации взаимодействия. Альфред Шютц, взирая на социальный мир с совершенно другой колокольни, формулирует так называемые *идеализации взаимности перспектив*. За этими мудреными терминами скрывается, по сути, одна и та же, притом довольно простая идея, и не так уж существенно — отдается ли при ее описании предпочтение языку структурного функционализма или вокабуляру социальной феноменологии.

Возьмем наугад двух индивидов — А и В, Его и Alter, Васю и Петю, Ричарда и Барбару, Марио и Франческу, Гензеля и Гретель, Зигфрида и Брунгильду, Тристана и Изольду, Орфея и Эвридику, Гиви и Ашота, Фатиму и Лейлу... etc. — и поместим их в какую-то произвольную ситуацию взаимодействия. Рассуждая теоретически, можно допустить, что каждый из них в состоянии совершить в отношении другого почти бесконечное количество разнообразных поступков — от сугубо аффективных до осмысленных и целенаправленных. Чего только не бывает между людьми! Дав волю воображению, можно представить себе все что угодно — тут нас ограничивает только фантазия. Теперь помножим эту «почти бесконечность» на два (ведь индивида пока всего лишь два), и получим упомянутую выше «двойную контингентность», или непредсказуемую случайность того, как поведет себя А и как отреагирует В. Если индивидов в интеракции задействовано больше, чем двое, то и умножать придется на три, пять, семнадцать, сто или двести. Возможно, Орфей и Эвридика или Тристан и Изольда влюбятся друг в друга, если их жизненные пути пересекутся, но не факт...

На улицах современных городов мы постоянно встречаемся с незнакомцами, с какими-то Колями, Сашами, Ядвигами, Агнешками, Оксанами, Богданами, Арчибальдами и Теофилами. Стоим с ними в очередях, что-то покупаем, сидим на соседних креслах в общественном транспорте и т. п. Есть, конечно, и знакомые, и даже те, кого называем близкими, но и про них мы никогда наверняка не знаем — что у них на уме и чего от них ожидать. Никто не может со стопроцентной вероятностью предсказать действия своих случайных и не очень

случайных партнеров. Мы даже собственные действия иногда предугадать не в силах.

Тем не менее в большинстве случаев (хотя и, разумеется, не во всех) происходит что-то условно ожидаемое. Мера допустимых индивидуальных вариаций поведения в конкретных случаях и ситуациях сохраняется, поэтому, в общем-то, с людьми не скучно. Также сохраняется, конечно, и вероятность малодопустимых и нежелательных реакций, которые могут квалифицироваться как негативные девиации (разной степени тяжести и предосудительности).

Почему же тогда множественные бесконечности неочевидных исходов взаимодействия в эмпирическом социальном мире как бы «схлопываются» и редуцируются к привычному ходу событий? Потому что А опознает собственную позицию в системе разворачивающихся интеракций как социально специфическую, детерминированную статусами и ролями, особенностями ситуации, институциональными рамками взаимодействия, писаными и неписаными нормами и правилами (всех этих хитрых социологических словечек ему, конечно, знать необязательно, но суть дела от этого не меняется). Про роли, ограничения, предполагаемые мотивы своего партнера В наш герой тоже кое-что знает, хотя социальные координаты В всегда будут чем-то отличаться от координат А. Сказанное верно и применительно к точке зрения В по отношению к А.

Сейчас я планирую поступить по отношению к нему/к ней так-то и надеюсь, что он/она догадывается о моих намерениях, в итоге наши взаимные реакции друг на друга не станут для нас обоих неожиданностью. А если и станут, мы быстро сориентируемся по ходу событий, исходя из имеющихся знаний о потенциальных сценариях развития ситуаций и их возможных развязках. Таким образом, поступая в соответствии с известным нам обоим набором правил, мы, с одной стороны, продемонстрируем осведомленность и практическую когнитивную компетентность, а с другой — проявим конформность; причем как первая, так и вторая будут диктоваться ситуационно и институционально определенными рамками взаимодействия, культурными паттернами, статусно-ролевыми параметрами конкретной интеракции и т. п.

Эта система проецируемых взаимных ролевых ожиданий (и обмена ими) функционирует неидеально, но как-то она все же функционирует, — так сказать, на минимально приемлемом уровне. Потому что если бы она совсем не работала, все вмиг бы рухнуло. Если Ego и Alter удовлетворяют на поведенческом уровне взаимным ожиданиям друг друга, это значит, что социальный порядок воспроизводится и жизнь идет своим чередом.

Ричард работает клерком в банке, содержит семью (инструментальная функция), состоит в браке с любящей его женой-домохозяйкой (экспрессивная функция); оба

считают такое распределение ролей «естественным» и «правильным». Возвращаясь со службы в обычный вечер октября 1952 года, он встречается в дверях своего дома радостную и соскучившуюся Барбару. Она, кажется, не делает вид — она действительно рада (хотя кто ее на самом деле знает?). Ужин уже готов. Они садятся за стол, едят, обмениваются новостями, слушают легкую музыку, а потом отправляются в спальню. Там тоже все относительно «по программе» (и Барбара, скорее всего, не будет говорить Ричарду, что у нее болит голова). Завтра их обоих ждет новый день, который будет соткан из иных социальных мизансцен, отчасти похожих и отчасти отличных от тех, в которых они участвовали сегодня. Взаимопонимание есть, аномии нет, социальная система работает: адаптация (Adaptation), достижение целей (Goal Attainment), интеграция (Integration), поддержание образца (Latency) — все в наличии, все «по схеме» (AGIL). Парсонс был бы доволен и умилен такой картиной — потому что он все это объяснил. Феминистки позднейших поколений топают ногами, плюются и высмеивают старомодного Парсонса...

Взаимная готовность акторов, таких как Ричард и Барбара, играть по правилам и не обманывать ожидания выступает источником их доверия друг к другу. Еgo верит, надеется, ожидает, что Alter поступит в той или иной социально-типической ситуации предсказуемым образом. Если этой установки нет, то жизнь действительно превращается в кошмар.

Посетители театров, как правило, не выскакивают на сцену во время спектакля (если это не иммерсивное шоу). Мы не переходим неожиданно при общении с друзьями и коллегами на «тарабарский язык», придуманный нами самими и непонятный для них, не паясничаем и не валяем дурака на похоронах, не пускаемся в пляс при сдаче экзамена по квантовой механике или римскому праву. Хотя можно себе представить ситуации и контексты, когда что-то из этого будет уместно, так как социальные нормы в исторических пространственно-временных масштабах весьма вариативны (да и многие конкретные ситуации и управляющие ими нормы нередко допускают значительные диапазоны возможного). Но обычно все идет по плану — в широких или узких границах разумного, действующих для какого-то конкретного здесь и сейчас. И дело не только в санкциях и боязни, которые удерживают нас от разного рода чудачеств и проказ. Мы знаем, где и как надо себя вести, что уместно, а что нет, и ожидаем этого же от других — что они тоже знают и не станут лишним раз своевольничать, испытывая на прочность этот не такой уж толерантный социальный мир.

Вход в страну доверия всегда открыт, и надобность в замках возникает только эпизодически. Доверие всегда неочевидно, неуловимо, остается под вопросом, но оно, тем не менее, есть, существует, потому что «его не может не быть». Мы назначаем встречи и обычно на них приходим, даже если опаздываем или путаем

место («Мы были оба.— Я у аптеки! — А я в кино искала вас!»; «Девчонка стрелку забила, а где конкретно — забыла» — но можно надеяться, что не с первой, так со второй или с третьей попытки они все же встретятся). Водитель автобуса обычно не въезжает в толпу на остановке, а шеф-повар обычно не травит посетителей заведения (хотя и тот, и другой технически вполне способны это сделать). И дело не только в том, что если бы они так поступили, это не осталось бы без последствий, весьма неприятных для них самих. Контроль с его негативными санкциями — эффективное средство регуляции социальной жизни, но не единственное. В большинстве случаев доверие работает гораздо лучше — при всей своей неочевидности и негарантированности.

Мы верим, что на другом конце канала интеракции (возможно, он опосредован большим количеством звеньев и включает многих участников) имеются в наличии добрые намерения, добросовестность, добропорядочность, надежность, профессионализм, ответственность, чувство долга, адекватность, правильно понимаемый взаимный интерес и расчет etc. (или хотя бы что-то из этого списка), что делает достаточно вероятным получение ожидаемого и социально одобряемого ответа на наши попытки вступить с неким Другим в регулярную или эпизодическую связь. Иногда нарушения и разные девиантные «казусы» случаются, и никто от них не застрахован. Но главное — в большинстве случаев поведение нас самих и окружающих относительно предсказуемо. И на этой «твердой» почве (вернее, кажущейся таковой) люди, взявшись за руки и разбившись на кучки, водят свои хороводы, решая попутно те или иные практические задачи.

В высокодифференцированных обществах модерна мы ежедневно пользуемся продуктами деятельности тысяч незнакомых нам людей. Мы постоянно что-то покупаем и потребляем, пользуемся платежными системами, ориентируемся на расписания движения транспорта. И все это без доверия было бы невозможно. Покупатель надеется, что магазинную водку не будут гнать из опилок, а продукты и лекарства производят в условиях, соответствующих санитарным нормам... Хотя сомнения и подозрения никогда не исключены полностью.

Но переживать каждую секунду из-за тотального недоверия людям и институтам (а они-таки дают для этого поводы) было бы психологически накладно. Тогда пришлось бы переживать постоянно. Мужья доверяют женам, а жены — мужьям (хотя порой и напрасно). Но другого выхода нет. Остается расслабиться и предоставить



Из открытых источников

событиям вокруг себя возможность идти и развиваться при сохранении некоторой меры их таинственности. «Не волнуйтесь, тетя, дядя на работе, а не с кем-нибудь в кино!». Лучше мне вообще не думать о том, из чего [сырье, пищевые добавки], как, где [условия производства] и когда [срок годности] на самом деле изготовлены эти сосиски/пельмени/консервы, иначе есть совсем перехочется...

Употребляемый в разных специальных контекстах оборот «кредит доверия» может быть истолкован и в расширительном смысле: доверие часто предшествует взаимодействию в конкретной ситуации (другой вопрос — откуда оно берется и как формируется?). Предшествует значит выдается как кредит, то есть *вперед*, как в случае с ресторанным обслуживанием по меню — сначала едим, потом оплачиваем счет. Клиент надеется устроить себе праздник живота и при этом не отравиться, а администрация заведения — получить плату за обеспеченное клиенту удовольствие. В обмен действиями уже вмонтирован предполагаемый на входе, интересубъективно конструируемый сторонами обмен [добрыми] намерениями. Мы его, *наверное*, не разочаруем, он, *наверное*, в накладе/в долгу не останется. Если так, то, кажется, стоит рискнуть.

Обыденный язык хорошо схватывает суть отношений и «чувств» доверия, скрепляющих социальный порядок. Когда говорится, что кто-то кому-то не внушает доверия, это очень близко по смыслу фразе «от него можно ожидать чего угодно», то есть речь идет о пугающей бесконечности возможных альтернатив чужого поведения. Опять же, если так говорят только про некоторых людей, это означает, что с большинством все-таки дела обстоят попроще: от них мы ожидаем чего-то определенного и предсказуемого.

Когда сообщается, что кто-то, например некий товарищ Берия, вышел из доверия, то это означает, что он утрачивает благонадежность как партнер по социальному взаимодействию и с ним во избежание неприятностей лучше дел не иметь. Утративший доверие неизбежно оказывается социально стигматизирован и категоризирован как девиант, а вдобавок становится объектом возможных санкций. И тогда обязательно найдется кто-то (например, некий товарищ Маленков), который по собственной инициативе и/или по долгу службы надает ему пинков, — опять же «в общих интересах» и под бурные аплодисменты.

Общество сортирует людей по разным основаниям, в том числе стремясь отделить тех, кому можно, нельзя или не стоит доверять. При этом практически оценивается мера социальной адекватности и предсказуемости разных групп индивидов, людей с определенными характеристиками и признаками. Делается это порой весьма грубо и топорно. Справка о несудимости — «хороший» документ, вызывающий доверие работодателя, справки о психическом заболевании и постановке на учет в специализированном медицинском, психиатрическом или

правоохранительном учреждении — документы «плохие». Про того, кто «проштрафился» и попал в категорию девиантов, говорят: его место в тюрьме или психиатрической лечебнице, он либо преступник, либо сумасшедший (трастовых очков у данных категорий минимальное количество). Вышедший из мест лишения свободы одной лишь этой строчкой в биографии провоцирует подозрения, доверие к нему понижено (мало ли что еще учудит?). Один из стандартных способов объяснения нестыковок в отношениях и поведенческих странностей, вызывающих утрату доверия: да у него/у нее крыша поехала; ага, ну тогда все ясно, как же мы раньше не заметили, что он/она не в себе...

Стереотипы также делают свое дело, а на представителей тех или иных групп с легкостью навешиваются ярлыки: вот этим «сомнительным личностям» (людям определенного «сорта») не доверяем, сыр покупаем только у Клавдии Ивановны, он — проверенный, плюс продавщица — русская. Нечто подобное наблюдается при осуществлении этнических, территориальных, гендерных, возрастных и иных бытовых дифференциаций. Например, в случае с возрастными различиями: ребенок один дома — может все что угодно натворить (еще не вошел в группу тех, кому принято доверять), у бабули с головой не все в порядке, что поделать, все-таки возраст дает о себе знать (уже вышла из этой группы).

Еще раз повторим: доверие — это всегда допущение, принятие на веру. Но допущение необходимое, чтобы взаимодействие состоялось. Мы никогда не знаем точно, что у него/у нее на уме, чужая душа потемки. Может быть, он/она держит камень за пазухой, а мы не догадываемся. На жизненном пути каждого запросто может встретиться печально известный малый, что «тайком из-под скатерти нож показал». Но жить как-то надо, с любыми рисками, и доверие помогает ориентироваться, облегчает когнитивные процессы субъективного конструирования ожидаемых последствий социальных действий (от начальника ожидаем одного типа поведения, от любовницы — другого, от тещи — третьего).

Возникает еще один интересный вопрос: а почему собственно люди доверяют друг другу? Напрашивается прозаический ответ, который может расстроить моралистов. Возможно, потому доверяют, что часто нет другого выхода. Есть конкретные люди [даже если они далеко], и вступать с ними во взаимодействие приходится [пускай и не прямое, а опосредованное, как с каким-нибудь эквадорским производителем бананов]. Но проверить благонадежность и чистоту помыслов партнера хотя бы в первом приближении мы сами порой не можем, для этого у многих из нас нет ни времени, ни сил (нет возможности или желания познакомиться поближе), нет соответствующих знаний/компетентности (оценка квалификации врача, например, для обывателя — непростая задача). Проще поверить. Слишком много людей ходит вокруг, всех пристально не изучить.

Доверие может быть основано на любви или на симпатии. Но не обязательно. Хотя те, кому мы доверяем, обычно располагают к себе, как минимум, потому что с ними проще (иметь дело, строить отношения), чем с теми, кто особого доверия не вызывает. Доверие во многих случаях строится на сугубо инструментально-рациональных соображениях или на рутинах. В отношениях типа *Gesellschaft* (вспоминаем Ф. Тённиса) любви между участниками взаимодействия нет, а устойчивая социальная связь есть. Деловые партнеры, клиенты, продавцы и поставщики товаров и услуг, заказчики и исполнители могут эффективно взаимодействовать и... доверять друг другу, не испытывая при этом особых чувств и эмоций (эффективно, но аффективно нейтрально), руководствуясь по преимуществу соображениями рационального расчета.

Что именно в человеке вызывает доверие? Можно доверять самому партнеру, его честному слову и доброму имени, каким-то внешним маркерам, языку, манере держаться, респектабельности и презентабельности, профессиональным и иным сообществам, с которыми индивид связан, деловой репутации конкретных людей и организаций, правовым институтам, регулирующим договор или сделку... Вероятность ошибки всегда существует: диплом, например, может оказаться поддельным, а внешность — обманчивой. Незадачливая героиня курортного романа сетует: «...так вот, под этой личиной [бравого военного] скрывался, блин, уголовник». Ей вторит другая наивная и разочарованная женщина: «...а ты не летчик, а я была так рада любить героя из летного отряда...». В этой печальной компании оказалась и Лариса Груздева, доверившаяся умевшему производить впечатление на дам бандиту Фоксу, одетому в дорожную офицерскую форму, хотя и без погон. Доверие людям и институтам в практике социальной жизни перемешано. Доверие к белому халату и рецепту с непонятными закорючками имеет институциональное происхождение и связано вдобавок с авторитетом профессионально специализированного экспертного знания: этот человек учился на врача много лет и у меня нет оснований сомневаться в весомости его вердиктов и рекомендаций (а может быть, все это чистый розыгрыш, надувательство или ловкая имитация? — нельзя исключать подобную вероятность). И так повсюду: люди верят, что лектор действительно знает свой предмет, как адвокат — законы, а актер — текст пьесы; верят, что регалии, должности, степени и звания всевозможных специалистов что-то значат. Да, эта вера небеспочвенна, но всегда в конечном счете зиждется на готовности людей доверять чему-то или кому-то. Поэтому остается только надеяться, что за белыми халатами и умной речью, аттестатами, сертификатами, типографскими бланками и гербовыми печатями, сканами документов и подписями, что-то действительно стоит, и они о чем-то действительно свидетельствуют. Хотя многие, наверное, помнят, что вузовские дипломы и трудовые книжки в эпоху лихих 1990-х в Москве

можно было запросто купить в переходах метро. Но даже если эти социальные курьезы остались в прошлом, а диплом выдан серьезной организацией, никто точно не знает, насколько ее серьезность не является раздуванием щек или очередным рекламно-маркетинговым перформансом. Одна только корочка удостоверения обладает магической силой отпирать многие двери — об этом полезном свойстве предметов, похожих на документы, знал еще Остап Бендер.

Индивиды как игроки в социальном пространстве постоянно подзаряжаются от доверия к институтам или сообществам, если последнее существует здесь и теперь и является, например, накопленным во времени и запечатленным в коллективном сознании (как в случае доверия к имиджу и статусу учебных заведений, организаций и фирм с именем и историей, заслуженным в предыдущие периоды их деятельности и, возможно, уже не подкрепленным реальными текущими достижениями).

В свою очередь чисто личностное доверие, то есть просто доверие к человеку как человеку (скажем, близкому) может подпитываться нехитрым, но эмпирически убедительным доводом: я с ним давно знаком, и он меня до сих пор никогда не подводил, хотя и в этом поле никто не бывает застрахован от неожиданностей и проколов («Ничто не предвещало, и вот тебе на... в один злосчастный день...», «Двадцать лет душа в душу, а потом вдруг бац, и такое!», «Что у человека было в голове, какая муха укусила? Вот так и доверяй этим мужчинам/женщинам!»).

Долгие лета в ожидании ежедневного рассвета

На самом деле у феномена доверия, по-видимому, есть еще и более глубокий пласт, если угодно, выводящий нас в зону философского дискурса. В сближающем людей потенциале доверия можно видеть аксиому социальной жизни, предпосылку устойчивости и воспроизводимости систем социального порядка на микро-, мезо- и макроуровнях. Но в доверии можно видеть в некотором роде также предпосылку упорядоченности человеческого опыта в целом, условие его постоянства и согласованности. По жизни мы доверяем не только людям, например, тому что завтра они — скорее всего (мы надеемся) — будут вести себя как сегодня и вчера (при всей неочевидности и недоказуемости этого допущения). Просто человек нуждается в трансляции выработанных, накопленных, усвоенных или как-то иначе заданных моделей собственного опыта во времени. Это значит, что человек всегда, несмотря на всю текучесть жизни, в большей или меньшей степени вращается в мире повторяющихся событий. Без веры в постоянство доступных фрагментов опыта людям было бы несладко. Рутинны спасают от хаоса неопределенности.

Поэтому в самом широком смысле мы доверяем не только людям, но и миру как таковому, вещам, самим себе, своим чувствам... Солнцу, что взойдет, потому что раньше оно всегда, по крайней мере на нашей памяти, так делало... Градуснику и календарю, что не обманут, не выкинут с нами какой-то фортель (хотя известно, что и календарь с градусником тоже иногда врут, потому что считать и мерить можно по-разному; кому и среда — суббота). Мы все стараемся верить своим глазам и ушам. Любой человек, включая убежденных поборников прогресса и любителей новизны, имеет право ожидать, что мир завтра будет таким же или хотя бы похожим на знакомый, привычный мир, а также надеяться, что накопленные в прошлом знания будут в мире завтрашнем хоть как-то работать. Энтони Гидденс называл этот феномен чувством «онтологической безопасности». Если онтологическая безопасность подорвана, земля уплывет из-под ног, а мир катится в тартарары. Непредсказуемому миру доверять трудно.

Мы верим в самоидентичность предметного мира и в самоидентичность самих себя: в то, что я сегодня и я через пару лет [*mutatis mutandis*] — это одно и то же, что бы там со мной ни происходило в означенный период, что баба Маня все еще баба Маня (если не умерла), что в квартире 34 во втором подъезде в ночное время все еще можно купить алкоголь (если не прикрыли лавочку), что слетающую с петель дверь можно умелым, отработанным движением плеча поставить на место (если еще не починили)...

При обсуждении подобных вопросов, имеющих отношение к аксиоматике опыта, нередко используется туманный греческий термин *эпохэ*, который проще всего перевести на расхожий язык оборотом «вынесение за скобки». Философ с его критически-рефлексивной познавательной установкой выносит за скобки наивную уверенность обывателя, в том числе уверенность в постоянстве элементов и композиций опыта, из которых сделан наш мир. Обыватель же с его практической, «естественной» установкой стремится ровно к обратному — во что бы то ни стало он пытается доказать себе и другим, что миру вокруг нас и всему, что в него «по-напихано», несмотря на многочисленные «но», можно как-то доверять. Во втором случае выносятся за скобки не уверенность, а именно сомнение. Это необходимо потому, что философу для оправдания своего высокого предназначения положено во всем сомневаться [*de omnibus dubitandum*, как учит Декарт], а человеку (даже если он по совместительству чуть-чуть философ) нужно все-таки действовать.